Современный міръ

№ 1.

Леонидъ Андреевъ. О «Двухъ душахъ» М. Горькаго.

Евгеній Чириковъ. «Неразбериха».

А. Финнъ-Енотаевскій. Міровая война и судьбы капитализма.

В. Панитновъ. Война и вздорожаніе жизни.

С. Григорьевъ. Народное образованіе въ городахъ Европейской Россіи.

Д. Клейнбортъ. Беллетристы-самоучки.

Д. Тальниковъ. Литературныя замѣтки.

Августъ Бебель. Франко-прусская война.

В. Фриче. Австрійскіе романы о распаденіи Великой Австріи.

Демьянъ Бѣдный. Пестрядь.

С. Исаковъ. Тамъ, въ горныхъ долинахъ.

А. Даманская. Паломники.

А. Тасинъ. Обездоленные.

Густавъ Даниловскій. Застѣнокъ.

Леонъ Франье. Разсказы.

1916

2-й экз.

СОВРЕМЕННЫЙ МІРЪ

СОДЕРЖАНІЕ № 1

		стр.
1.	ТАМЪ, ВЪ ГОРНЫХЪ ДОЛИНАХЪ. Разсказъ **С. Исакова.**	5
2.	КИММЕРІЯ. Стихотвореніе **Виктора Наделя.**	32
3.	ПАЛОМНИКИ. Разсказъ **А. Даманской**	34
4.	ОКТЯБРЬ. Стихотвореніе **А. Федорова.**	54
5.	ОБЕЗДОЛЕННЫЕ. Разсказы **Н. Тасина**	55
6.	ЗА СТѢНОЙ. Повѣсть **Густава Даниловскаго.** Перев. съ польскаго С. Михайловой-Штернъ.	79
7.	РАЗСКАЗЫ **Леона Франье.** Перев. съ франц. А. Даманской	141

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Р

СТР.

8. ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА. Изъ воспоминаній **Августа Бебеля.** Пер. Р. Марковичъ. 1
9. АВСТРІЙСКІЕ РОМАНЫ О РАСПАДЕНІИ ВЕЛИКОЙ АВСТРІИ **В. Фриче** 43
10. НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ ГОРОДАХЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ. **С. Григорьева.** 53
11. ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ. **Д. Тальникова** 74
12. О «ДВУХЪ ДУШАХЪ» М. ГОРЬКАГО. **Леонида Андреева** . . . 108
13. «НЕРАЗБЕРИХА». **Евгенія Чирикова.** 113
14. МІРОВАЯ ВОЙНА И СУДЬБЫ КАПИТАЛИЗМА. **А. Финна-Енотаевскаго** 133
15. ВОЙНА И ВЗДОРОЖАНІЕ ЖИЗНИ. **К. Пажитнова** 152
16. БЕЛЛЕТРИСТЫ-САМОУЧКИ **Л. Клейнборта** 160
17. ПЕСТРЯДЬ. Басни и сатиры. **Демьяна Бѣднаго.** 179
12. КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ:

Нижегородскій альманахъ. — А. И. Свирскій. а кострѣ.—Алтаевъ, А. Внизъ по Волгѣ-рѣкѣ.—Алтаевъ, А. Поэты юности. В. А. Жуковскій, М. Ю. Лермонтовъ, С. Надсонъ. Его же. Юноша-поэтъ. Жизнь и творчество С. Я. Надсона. Его же. Пѣвецъ страданья и свободы. Жизнь М. Ю. Лермонтова.—А. А. Корниловъ.—Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX в.—Е. Курнатовскій. Евреи въ Польшѣ.—Джемсъ Генри Брэстедъ. Исторія Египта съ древнѣйшихъ временъ до персидскаго завоеванія. Т. I—II.—Д. Жариковъ, Н. Никольскій, С. Радцигъ и В. Стерлиговъ. Древній міръ въ памятникахъ его письменности. Ч. I. 181

Типографія Бр. В. и И. Линникъ Петроградъ, Невскій, 126/2

„Неразбериха“.

Письмо въ редакцію.

„Изъ дальнихъ странствій возвратясь“,—я, интеллигентный рабочій, по волѣ судебъ россійскаго обывателя, сильно поотсталъ отъ всякой современности и, желая войти въ курсъ жизни, оріентироваться въ текущемъ моментѣ, съ жадностью голоднаго началъ отыскивать знакомыхъ „идеологовъ рабочаго сословія“... Повидалъ человѣкъ пять-шесть, поговорилъ по душѣ,—и голова моя распухла отъ той интеллигентской неразберихи, въ которую меня погрузили эти бесѣды со свѣдущими учеными „товарищами“. Въ прежнее время были только меньшевики и большевики. И тогда масса рабочихъ не близко къ сердцу принимала это раздѣленіе на два враждебныхъ лагеря, идеологи которыхъ неустанно сражались другъ съ другомъ. Мы, интеллигентные рабочіе, еще могли распутаться въ этомъ раздорѣ и склониться на ту или другую сторону, потому что этотъ расколъ все-таки протекалъ при нормальномъ теченіи жизни. Теперь отъ насъ, рабочихъ, жизнь потребовала немедленнаго двойственнаго реагированія на текущій историческій моментъ, связанный съ участіемъ нашей родины во всемірной борьбѣ народовъ за свою политическую и экономическую независимость. Мы—не только рабочіе, мы дѣти русскаго народа, мы—тотъ самый русскій народъ, судьбы котораго теперь рѣшаются на поляхъ кровавыхъ, гдѣ милліоны нашихъ братьевъ и отцовъ отдаютъ свою жизнь за свой народъ и свою родину. Если любовь къ своей отчизнѣ, къ своей родинѣ—„предразсудокъ“, то во всякомъ случаѣ предразсудокъ общечеловѣческій, такой же предразсудокъ, какъ любовь сына къ матери. Быть можетъ, когда-нибудь всѣ люди будутъ братьями и вся земля будетъ ихъ общей родиной, но вѣдь сейчасъ этого рая нѣтъ, а отчизна и родина, несмотря ни на какія ея культурные политическіе и экономическіе недостатки, одинаково дорога, какъ нѣмцу, такъ и русскому! Вѣдь, этой любви изъ себя не выкинешь!

Съ этой любовью къ родинѣ, съ болью въ душѣ за ея судьбы, съ болью за милліоны гибнущихъ братьевъ на кровавыхъ поляхъ

борьбы, я и подходилъ къ господамъ „идеологамъ“ нашего сословія“...

На первыхъ порахъ мнѣ посчастливилось: два идеолога, съ которыми мнѣ пришлось столкнуться, своими научными и логическими доводами внесли въ мою душу нравственное успокоеніе: моя любовь къ отчизнѣ, моя боль за родину и за гибнущихъ братьевъ, крестьянъ и рабочихъ, совпадала съ научными и логическими доводами ученыхъ „товарищей“. Моя душевная радость увеличилась еще болѣе, когда у одного „идеолога-большевика“ я встрѣтилъ „идеолога-меньшевика“ (прежнихъ враговъ!) которые, какъ понялъ я изъ ихъ дружескаго разговора, по отношенію къ войнѣ и переживаемому историческому моменту оказались единомышленниками. Вотъ, думаю, правду говорятъ, что несчастіе сближаетъ людей! Однако изъ ихъ же разговора я узналъ, что доходившіе къ намъ въ глушь слухи о существованіи „идеологовъ-пораженцевъ“—не сказка, а сущая правда.

— Много ихъ?—поинтересовался я.

— Не особенно, но... имѣются...

Увы!—скоро мнѣ пришлось убѣдиться, что расколъ среди „идеологовъ“ рабочаго сословія теперь горше прежняго! Прихожу къ одному и за чайкомъ начинаю разспрашивать, какъ и что относительно войны...

— Вы какъ? Оборонецъ или пораженецъ?

— Ни то, ни другое!

— Вотъ тебѣ разъ! Какъ же вы? Кто вы будете?

— Я неуспѣховецъ.

— Какъ?

— Неуспѣховецъ.

Почесалъ я въ затылкѣ. Что, думаю, за птица такая?

— Не понимаете?

— Нѣтъ.

— Мы полагаемъ, что будетъ всего лучше, если союзники вздуютъ нѣмцевъ, а нѣмцы вздуютъ насъ!

— Гм... Какъ вамъ сказать? Непонятно мнѣ...

— Почему?

— Какъ могу я желать, чтобы меня вздули? Вѣдь, тамъ гибнутъ мои братья!.. Хорошо намъ съ вами чаекъ попивать, книжечки почитывать да разсуждать... А вѣдь тамъ милліоны нашихъ братьевъ, отдающихъ свою жизнь... Скажите-ка вотъ имъ этотъ свой взглядъ!

— Говорить незачѣмъ...

— А если вы такъ думаете, такъ вамъ надо помогать нѣмцамъ! А нашимъ мѣшать надо.

— Совершенно излишне. Это свершитъ „законъ исторической необходимости“. Современная Россія не можетъ побѣдить...

— Такъ, чай, въ такое время и намъ надо что-нибудь дѣлать? А то какъ же такъ?.. Міровыя событія совершаются, а мы съ вами... за „законъ исторической необходимости“ прячемся?

— А намъ надо готовиться къ другому дѣлу...

— Не могу понять. Любовь къ родинѣ не позволяетъ никакъ не откликаться на самое главное теперь въ жизни народа...

— Любовь!.. Вотъ эта любовь и должна васъ заставить желать того, чего я желаю.

— По совѣсти сказать, не могу. Не понимаю. Вы вотъ говорите,—хорошо будетъ, если союзники вздуютъ нѣмцевъ, а нѣмцы насъ. Ну, а кто же тогда побѣдитъ? Союзники или нѣмцы съ австрійцами?

— Никто никого въ конечномъ счетѣ не побѣдитъ, а у насъ отъ неуспѣха подъемъ всенароднаго духа произойдетъ и мы сразу двинемся на сто лѣтъ впередъ...

— Ну, а если оно такъ выйдетъ: наше пораженіе только поможетъ нѣмцамъ и всѣхъ другихъ союзниковъ побѣдить? Какъ можно поручиться, что выйдетъ по-вашему?..

— Когда насъ побѣждаютъ, всегда лучше выходитъ. Какъ было въ севастопольскую кампанію? Какъ вышло съ японской войной?

— Да, вѣдь, пожалуй, теперь не похоже дѣло-то... Въ японской войнѣ я самъ радовался нашей неудачѣ. Тамъ одна авантюра была, тамъ не страна, не народъ воевали и тамъ не рѣшалось міровыхъ вопросовъ. Вѣдь, теперь, какъ мнѣ ваши же ученые товарищи доказали, судьбы народовъ рѣшаются!

Много чаю выпили за разговоромъ, однако я такъ и не понялъ, почему непремѣнно надо намъ, русскимъ, чтобы насъ колотили! Нѣтъ, не хочу, чтобы меня нѣмцы колотили: ни любовь къ своей родинѣ и своимъ братьямъ, ни гордость и обида не позволяютъ. А научные доводы и логика вѣрнѣе у оборонцевъ кажутся... Всѣ они ученые, а говорятъ всякій по своему...

— Куда вы? Посидите! Я хочу убѣдить васъ...

— Нѣтъ, толку не будетъ... Отворачиваетъ и кончено! Душа не принимаетъ...

— Что такое, товарищъ, душа?

— Ну, нутро, что ли! Не знаю, какъ научно объясниться...

— Слѣпой инстинктъ.

— Можетъ быть. Люблю свою родину и страдаю душой за нее и за тѣхъ, которые свою кровь въ ея защиту проливаютъ.

Дня два сидѣлъ въ одиночествѣ. Все думалъ и разбирался въ словахъ ученыхъ товарищей. Ничего не выходитъ. Путаница

и больше ничего. Словно въ заколдованномъ кругу думы вертятся и все къ одному мѣсту возвращаются. Какъ лѣшій въ лѣсу обошелъ. Тяжело, когда самъ мало наукъ понюхалъ!.. На третій день еще къ одному „идеологу“ пошелъ: попытаю, какъ онъ думаетъ. Человѣкъ-то ужъ очень умный. Въ университетѣ курсъ кончилъ.

— Добраго здоровья!

— А! Товарищъ! Какими судьбами?

— Вы пишете? Не помѣшалъ вамъ?

— Пишу и читаю! Наше дѣло такое.

— А вотъ я все думаю...

— Такъ, вѣдь, и я все время этимъ дѣломъ занимаюсь...

Слово за слово. Опять стали чай пить. Исподволь подхожу къ дѣлу. Кто, молъ, теперь ты такой: оборонецъ, пораженецъ, или неуспѣховецъ?

— О чемъ читаете?

— Да все и думаю и читаю больше о войнѣ. Такое время теперь.

— Правильно. Никуда отъ нея не уйдешь. Голова отъ думъ болитъ! И ничего не придумаешь. А рѣшить надо... А вы какъ? Оборонецъ, или пораженецъ?

— Ни то, ни другое!

— Стало быть, неуспѣховецъ?

— Нѣтъ.

— Такъ какъ же? Развѣ еще какіе есть?

— Я наплюевецъ!

— Какъ наплюевецъ?

— Не понимаете?

— Не понимаю. Что же это за публика такая? Не слыхалъ о ней.

— Наплюевецъ-то? Очень просто. Наплевать мнѣ на войну! Мы ее игнорируемъ. Занимайся своимъ классовымъ дѣломъ по-прежнему и больше ничего!

— Вотъ тебѣ разъ! Да развѣ отъ войны спрячешься? Да, вѣдь, какъ же можно наплевать, если дѣло идетъ о судьбѣ твоего народа?! Что вы это говорите такое?

Я даже разсердился и всталъ, уходить хотѣлъ. Но пришли еще нѣсколько человѣкъ, повидимому, „товарищи“, и я остался. Любопытно стало, что эти, новые, за публика? Познакомились. Пили чай и опять говорили на ту же тему. Я больше слушалъ, потому что чувствовалъ недостатокъ образованія, знанія и не былъ знакомъ съ тѣми статьями, о которыхъ они говорили и спорили между собою. Какъ будто бы всѣ трое—одного толка, а все-таки во многомъ расходятся и спорятъ—настоящаго согласія нѣтъ. Не поймешь! Слушалъ да изрѣдка словцо вставлялъ.

— Вотъ вы давеча сказали, что вамъ наплевать на войну, а сами все время только про нее и говорите!

— Я только отстаиваю свою позицію... Говорю о войнѣ постольку, поскольку...

— Не понимаю...

— Я считаю необходимымъ направить нашу мысль, нашу энергію и дѣйственность въ другую точку.

— Въ какую же?

— Во внутреннюю, позабытую. А она—самая главная. Мы, россіяне, имѣемъ нѣкую внутреннюю историческую болячку и желаемъ прежде всего сковырнуть ее. Тогда все разрѣшится само собою... Къ этому идетъ дѣло, этого не минуешь и потому мы выдвигаемъ на первый планъ не оборону или пораженіе въ войнѣ, а именно эту болячку.

— Да, вѣдь, война-то, господа, идетъ, кровь-то льется рѣкою, братья-то наши гибнутъ и зовутъ всѣхъ на помощь! Какъ же наплевать-то?! Не отзываться? Вѣдь, мы—люди живые, не оглохли и не ослѣпли: слышимъ и видимъ, что происходитъ. Болячка болячкой, а война войной. Пока вы будете только о болячкахъ разговаривать, намъ могутъ нанести пораженіе. А тогда, пожалуй, болячка еще больше вырастетъ.

— Ходъ войны, соотношеніе дѣйствующихъ внутреннихъ силъ показало съ наглядностью, что намъ совершенно не по-пути съ „вѳршителями нашей внутренней политики“ и съ либеральной буржуазіей и что, при наличности условій, въ которыхъ идетъ война, мы все равно побѣдить не можемъ... А потому плюнемъ на войну и подойдемъ вплотную къ нашей собственной болячкѣ!.. Оборонцы говорятъ „все для побѣды“ надъ врагомъ внѣшнимъ, а мы—„все для побѣды надъ своей болячкою!“..

— Позвольте, господа! Объясните вы мнѣ вотъ что! Если бы мы воевали съ Германіей единолично, безъ союза съ Англіей, Франціей, Италіей и Японіей, и пришли бы къ выводу, что при своей болячкѣ мы побѣдить не можемъ и наше пораженіе неминуемо, то, конечно, тогда можно было бы плюнуть на войну и устремить всѣ силы только въ сторону нашей болячки. Но, вѣдь мы воюемъ съ нѣмцами не одни и вопросъ о побѣдѣ или пораженіи не рѣшается одними нашими русскими успѣхами или неуспѣхами. Побѣда союза будетъ и нашей побѣдою! Пусть даже мы не побѣдимъ нѣмцевъ, а только поможемъ ихъ побѣдить. А помочь мы можемъ! Вѣдь, и такая несовершенная Россія, съ прорѣхами и болячками, какъ мы видимъ, представляетъ огромную силу. Вѣдь, недаромъ же и нѣмцы и австрійцы проявляютъ желаніе сепаратнаго мира съ нами! Да и можемъ ли мы бросить на произволъ судьбы и нашихъ братьевъ, и нашихъ союзниковъ?

Не выйдетъ ли тогда для насъ хуже всякаго пораженія? Я не могу по-совѣсти сказать, но поставить вопросы могу и долженъ. У васъ есть вѣсы, на которыхъ можно съ точностью взвѣсить силу русской арміи и рѣшить, что ея участіе въ борьбѣ союзниковъ съ Германіей не дастъ хотя одного фунта, который перевѣситъ вмѣстѣ съ арміями союзниковъ силу враговъ? Гдѣ у васъ эти вѣсы?

А если вы не можете мнѣ сказать убѣжденно, по-совѣсти, что мы на этихъ вѣсахъ—ноль, такъ какъ же можно отказываться отъ помощи для общей побѣды?..

„Товарищи“ немного помолчали, а потомъ повели себя такъ, что,—дескать,—я ничего не понимаю и со мной трудно говорить, а, пожалуй, и не стоитъ говорить. У нихъ въ рукахъ истина, а я... такъ, невѣжественный господинъ, котораго трудно сразу просвѣтить и открыть ему истину...

— Не то, товарищъ... Вопросы—въ разныхъ плоскостяхъ...

— Трудно намъ договориться до чего-нибудь!—промычали они.

— Господа! Какъ же такъ? Вы—наши учителя! Если мнѣ, сравнительно интеллигентному рабочему, вы не можете раскрыть свою истину, какъ же вы поведете за собою рабочія массы? Извините, но я этого окончательно не понимаю...

Всѣ надолго замолчали. Кто помѣшивалъ чай ложечкой, кто уткнулся въ книгу.

Точно знаютъ какую-то тайну, а отъ меня скрываютъ. А можетъ, и сами они просто запутались въ книжкахъ? Говорятъ, и это случается. А признаться не хотятъ: гордость мѣшаетъ.

— Эхъ, господа! Тяжело что-то... Можетъ, отъ того, что очень ужъ свою мать-родину люблю и за своихъ братьевъ душой болѣю...—сказалъ я со вздохомъ.

Тогда студентъ сказалъ всѣмъ намъ:

— А вотъ тутъ, господа, и про „любовь“, и про „душу“ статьи есть!

— Что это за книга, товарищъ? Вотъ мнѣ бы какъ разъ теперь эти самыя статьи!..

— Новый журналъ „Лѣтопись“. Максимъ Горькій издаетъ!

Такъ и забилось у меня сердце! И про душу и про любовь статьи написаны! Вотъ, думаю, гдѣ я всю правду найду...

— Самъ Горькій пишетъ?

— Про душу—самъ Горькій, а про любовь какой-то „старичекъ“, позабытый въ общей свалкѣ народовъ.

— Любопытно. Можетъ, одолжите почитать?

— Мы только что получили книжку и сошлись теперь, чтобы съ ней познакомиться...

— Читать будете? Вотъ это хорошо! Чай, я не помѣшаю вамъ, если послушаю?

— Что вы! Очень рады!

— А какого направленія журналъ-то?

— Какого! Разъ Горькій издаетъ...

— Вѣрно! Извиняюсь, товарищи! Понимаю.

Тутъ они между собою заспорили, какого направленія горьковскій журналъ. Выходило такъ, что не оборонческій, но и не пораженскій...

— Такъ неужели „наплюевскій“?—вырвалось у меня спроста.

Товарищи переглянулись и разомъ расхохотались.

— Неизвѣстно. Поживемъ—увидимъ. Вотъ сейчасъ почитаемъ маленько... Яснѣе будетъ.

— Съ чего начнемъ, господа!

— Съ души начинайте, товарищи!—попросилъ я, потому что вопросъ этотъ для меня показался самымъ интереснымъ, а главное—пишетъ Горькій. Горькій самъ вышелъ изъ простого народа, самъ продрался къ свѣту изъ темноты и въ интеллигента превратился, стало быть, хорошо русскую душу понимать долженъ... Просвѣтился и насъ теперь хочетъ просвѣтить, своихъ оставленныхъ въ темнотѣ братьевъ! Что ему разная „интеллигенція“? Она и такъ науками по горло сыта...

— Начнемъ, господа! Статья называется „Двѣ души“...

— Двѣ?—переспросилъ я.

— Двѣ!

Начали читать. Скоро очень читали. Я не успѣвалъ слѣдить и обдумывать. Слышалъ и думалъ: какой ученый человѣкъ сталъ Максимъ Горькій! А вышелъ изъ низовъ народа, чуть не изъ босяковъ только. Вотъ головушка-то! Въ родѣ Ломоносова! Какой даровитый народъ! Даже гордиться захотѣлось... Только одно плохо: говоритъ много непонятнаго для насъ, неученыхъ, словъ много интеллигентскихъ. И не уловишь, что онъ отъ себя говоритъ, а что другіе писатели говорятъ, а онъ только повторяетъ и соглашается. Прочитали статью эту и стали говорить и спорить. А я—въ сторонѣ. Не разобрался хорошенько, успокоенія никакого не получилъ, но почувствовалъ сильную обиду. Почему? Можетъ быть, обида отъ неправильнаго пониманія? Не знаю. Попадались отдѣльныя мѣста, которыя я схватывалъ на лету и которыя обижали мою душу. Осталось такое впечатлѣніе, точно изъ всѣхъ народовъ мы—самые плохіе люди, на которыхъ только и остается плюнуть и для которыхъ у Горькаго не нашлось ни одного добраго слова, а только одно поруганіе. А можетъ, ошибаюсь... Не понялъ, недослушалъ.

— Господа! Будьте такъ добры: плохо я понялъ, въ чемъ дѣло-то по Максиму Горькому. Объясните мнѣ въ короткихъ понятныхъ словахъ!

— Вотъ о чемъ пишетъ Горькій. Если двѣ души: восточная и западная...

— Это-то я понялъ! И понялъ, что западная душа—хорошая, а восточная—плохая...

— Правильно, товарищъ!.. А далѣе Горькій говоритъ, что въ насъ, русскихъ, борятся двѣ души...

— Не понялъ я: про культурный классъ онъ это говоритъ или про рабочихъ и крестьянъ?

— Вообще. Про русскій народъ.

— Такъ... Двѣ души въ насъ, восточная и западная... А своя душа куда дѣвалась? Своей, стало быть, нѣтъ и не было?..

— Невѣрно, господа!—заговорилъ другой товарищъ.—И своя, славянская душа, у насъ Горькимъ допускается... Вотъ что пишетъ Горькій: „У насъ двѣ души: одна отъ кочевника—монгола, мечтателя, мистика и лѣтняя, а рядомъ съ этой безсильной душою живетъ душа славянина, которая можетъ вспыхнуть красиво и ярко, но недолго горитъ, быстро угасая, и мало способна къ самозащитѣ отъ ядовъ, привитыхъ ей, отравляющихъ ея силы“.

— Стало быть, восточная душа въ насъ сильнѣе своей собственной?

— Да.

— Ну, а я такъ понялъ, что славянская душа передъ западной ничего не стоитъ. Стало быть, намъ надо двѣ души изъ себя вытравить и посадить туда одну западную? Такъ, что-ли? Чай, у интеллигентовъ-то еще и третья душа, западная, сидитъ?

— Не совсѣмъ такъ... Хотя... Съ одной стороны, конечно, наша общественная мысль вырабатывалась...

— Дайте, пожалуйста, книжечку-то! Я самъ просмотрю, почитаю...

— Лучше поговоримъ. А книгу мы вамъ дадимъ, дома почитаете...

Начались разговоры о „Двухъ душахъ“. Я не вмѣшивался, а только слушалъ умныхъ и ученыхъ товарищей. Понялъ, такъ, что и они Горькаго не особенно-таки одобряли.

Вотъ что мнѣ запомнилось изъ этихъ разговоровъ.

— Душа и характеръ народа вырабатываются историческимъ процессомъ, политическими и экономическими условіями жизни, географическими данными и т. д. И какимъ образомъ въ одномъ человѣкѣ двѣ души въ одну соединиться не могутъ, а только все борятся? Словно двѣ птицы въ клѣткѣ!.. Беллетристика!

— Если вопросъ идетъ о навлкѣ мыслить, то наша мыслительная душа, поскольку она отражается въ наукѣ, искусствахъ, литературѣ, никоимъ образомъ не продуктъ помѣси востока со славянствомъ, а скорѣе—помѣси запада со славянствомъ. А что касается народной массы, такъ она просто невѣжественна и некультурна, въ чемъ меньше всего виновата сама...

— Собственно, большинство доказательныхъ ссылокъ авторъ черпаетъ изъ жизни нашей буржуазіи и внутренней политики, которую народъ никогда не дѣлалъ... При чемъ же тутъ народъ и народная душа?

— Вотъ тебѣ и матеріалистическое обоснованіе исторіи! Вотъ тебѣ и классовая борьба въ историческомъ процессѣ! Вмѣшалась въ ходъ историческаго процесса „монгольская душа“ и все дѣло испортила! Весь народъ въ Обломова превратила!...

— Напустилъ ученаго туману! При чемъ тутъ востокъ? Можно говорить о вліяніи монгольскаго ига, какъ фактора, задержавшаго нашу политическую эволюцію, но объяснять нашу политическую и экономическую структуру и отсталость вліяніемъ восточной души—это... просто-таки безграмотно! Евреи, видите ли, тоже востокъ, Японія—тоже востокъ, Финикіяне—тоже востокъ, да и Китай, который грозитъ опередить насъ,—тоже востокъ! Вотъ тебѣ и восточная душа! Евреи были тоже въ рабствѣ, были подъ игомъ египетскимъ, однако, это не повело къ мирному сожительству у нихъ двухъ душъ: египетской и еврейской? Вѣдь, всѣ арійскія племена съ востока пришли...

— Для марксиста, послѣдователя матеріалистическаго обоснованія исторіи, это научное выступленіе Горькаго большой и неожиданный сюрпризъ!

— И все свалилъ въ одну кучу: и романтизмъ, и мистицизмъ, и Обломова, и Евгенія Онѣгина, и народное богоискательство, и странничество—все это устроила восточная душа! Можетъ быть, и невѣжество народное, одинъ кабакъ для увеселенія, темнота, грязь и бѣдность—тоже отъ того у нашего мужика, что въ немъ сидитъ восточная душа и мѣшаетъ ему стремиться къ просвѣщенію, къ расширенію культурныхъ потребностей и увеличенію своего благосостоянія? Пьянство наше Горькій тоже объясняетъ восточной душой, хотя всѣмъ давно извѣстно, что въ Россіи выпивалось вина и водки значительно менѣе, чѣмъ въ Германіи и, особенно, въ Англіи!..

Тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ. Теперь я вдругъ понялъ, почему отъ горьковской статьи я почувствовалъ одну обиду и оскорбленіе...

— Вотъ Горькій пишетъ, что „обломовщина“ свойственна всѣмъ классамъ нашего народа... Говоритъ это Горькій! Выходитъ,

что и мы, какъ баринъ Обломовъ, не работаемъ, а больше на диванѣ валяемся! Это мы и до Горькаго отъ помѣщиковъ и отъ всѣхъ „хозяевъ“ слыхали! И какъ только повернулся языкъ у Горькаго выговорить эту барскую, хозяйскую неправду?! А еще самъ изъ народа выбился...

— Онъ, вѣдь, не деревенскій, а городской. Изъ городского мѣщанства. Деревню-то да мужиковъ онъ, какъ и всѣ интеллигенты, только по книгамъ изучалъ... Ставить рядомъ Евгенія Онѣгина, пресыщеннаго и скучающаго барина, получившаго къ своей помѣщичьей душѣ западную прививку, рядомъ съ какимъ-нибудь богоискателемъ-мужикомъ, быть можетъ и не тамъ, гдѣ слѣдуетъ по Горькому, ищущимъ правды Божіей на землѣ,- такъ простительно сдѣлать развѣ гимназисту, да и то не больше, какъ пятаго класса! Люди доходятъ въ этихъ поискахъ до самосожженія, а Горькій усматриваетъ здѣсь только „обломовщину“!

— Обругаться, господа, мнѣ хочется!—сказалъ я.

— Вотъ это у васъ отъ востока! Ругаться не слѣдуетъ...

— Не ожидалъ я отъ Горькаго такой глупости... (Простите, господа, за выраженіе!)

— Конечно, онъ не профессоръ, а доморощенный, такъ сказать, философъ!

— Въ такомъ случаѣ не лѣзь на профессорскую каѳедру!

— Вѣрно говорятъ: и въ книгахъ, если ихъ очень много проглотишь, запутаться можно!.. Ну, а что, господа, о любви къ родинѣ-то въ горьковскомъ журналѣ написано? Почитаемъ-ка! Мнѣ это тоже очень нужно-бы знать,..

Прочитали статью „Нужны ли убѣжденія“. Хотя журналъ помѣстилъ эту вещь изъ жалости къ автору и сдѣлалъ примѣчаніе, что редакція не во всемъ вполнѣ согласна съ нимъ, но въ чемъ именно несогласна—не сказалъ: очевидно, разногласіе въ воззрѣніяхъ незначительное...

Опять статья путаная. Видно, что написана не для нашего брата, рабочаго, а спеціально для Плеханова, котораго Горькій позволяетъ въ своемъ журналѣ называть то крѣпостнымъ рабомъ Фирсомъ, то лакеемъ Смердяковымъ. За что? Почему? Про какую любовь говоритъ горьковскій старичекъ? Онъ подмѣняетъ любовь къ родинѣ любовью къ правительству...

Или старичекъ, по дряхлости лѣтъ, не дѣлаетъ тутъ различія и тоже, какъ самъ Горькій, все валитъ въ одну кучу? Нехорошо выходитъ.

— Плехановъ—оборонецъ...

— Значитъ, лакей правительства и Фирсъ, по рабству преданный своему барину?

— Опять двѣ души оказалось у русскаго человѣка—Плеханова, Бурцева и всѣхъ такихъ интеллигентовъ, которые любятъ свою родину больше Германіи, и, главное,—неизвѣстно, за что любятъ-то. Двѣ души: фирсовская и смердяковская...

— Совсѣмъ западная душа у Горькаго, безъ всякой подмѣси восточной и славянской, если онъ согласился дать мѣсто этому старичку.

Опять всѣ начали критиковать, горячиться...

— Выходитъ, что нѣмецкіе соціалъ-демократы могутъ любить свою родину, а нашимъ любить не за что. Наша любовь къ родинѣ уподобляется крѣпостной любви Фирса къ своему барину!

— А по моему, вотъ тутъ-то и сидитъ смердяковское лакейство передъ „умственностью“. „Хочу быть только соціалистомъ—и кончено! И родина—чепуха, и исторія —чепуха, и національное самоопредѣленіе—чепуха. Что такое Россія? Невѣжественная, некультурная грязная, бѣдная, жестокая... Только рабы Фирсы могутъ любить ее!.. То ли дѣло Германія или Италія!“ Не напоминаетъ ли, однако, это Бальмонтовское: „Хочу быть смѣлымъ, хочу быть дерзкимъ... Я такъ хочу!“ Но, вѣдь, и тамъ люди любятъ свою родину, пожалуй, не меньше соціализма? Не согласятся, пожалуй, итальянцы, если нѣмецкіе „товарищи“ предложатъ имъ забыть, что они итальянцы? Да и въ силахъ ли это человѣческихъ? Законы свои имѣетъ исторія то народовъ и никакъ, къ сожалѣнію, не выскочишь изъ ея наслѣдія прямо въ „человѣка, звучащаго гордо“.

— И насъ-то, рабочихъ, больно ужъ старичекъ простачками считаетъ!—вставилъ я свое слово.—Поди, сумѣемъ отличить войну оборонительную отъ завоевательной, а не сумѣемъ, такъ вы, умные и ученые товарищи, намъ поможете. Конечно, не такъ глупо, какъ старичекъ это въ своемъ письмѣ дѣлаетъ, стараясь поймать Плеханова. Хотѣлъ поймать да самъ въ лужу и сѣлъ! Ужъ надо совсѣмъ дуракомъ быть, чтобы всякое военное дѣйствіе въ непріятельской странѣ считать за войну завоевательную! Въ этомъ-то мы скорѣе разберемся, чѣмъ въ восточной душѣ и смердяковской любви къ родинѣ. Въ японскую войну мы, дѣйствительно, вели завоевательную кампанію, а теперь, господа, на это не похоже! Дай Богъ, свою родную землю отстоять! И напрасно старичекъ въ своей статьѣ путаетъ насъ... На краю могилы стоитъ, а вретъ изо всѣхъ силъ! Умирающимъ прикидывается...

Въ три голоса отчитывать тамъ старичка стали: отъ восточной души, отъ русской національности и отъ любви къ родинѣ...

— Не отъ Вильгельма ли хвораетъ старичекъ этотъ?

— Да ужъ конечно, не отъ Плеханова, Бурцева и русской „интеллигенціи“...

— Можно и нужно защищать свои идеалы, но, вѣдь, это уже напоминаетъ басню Крылова о „Пустынникѣ и медвѣдѣ“!

— Настоящей вѣры въ свой идеалъ нѣтъ. Въ научное обоснованіе соціализма, видимо, редакція журнала не особенно вѣритъ, если помѣстила старичка въ свою богадѣльню и объявила умирающимъ... Заживо отпѣвать начали!..

— Коли дѣло такой оборотъ приняло, такъ, вѣдь, колесо-то исторіи не повернешь!.. И самъ Горькій сдѣлать этого не сможетъ...

Прочитали еще статью г. Плуталова о томъ, какъ два пассажира въ поѣздѣ разговаривали и „другъ дружку разными страхами стращали“... Тоже путанная статья. Конецъ выходитъ. Спросилъ ученыхъ товарищей, какъ понять.

— Заживо насъ отпѣваютъ!

— И духовникомъ нѣмецкій милитаризмъ дѣлаютъ!.. Сей духовникъ поможетъ намъ въ царствіе небесное переправиться!..

Слушалъ я эти разговоры, а въ моей душѣ одинъ вопросъ стоялъ: отвергаетъ Горькій въ своемъ журналѣ любовь къ родинѣ или признаетъ? Хорошо или нѣтъ, если рабочіе любятъ родину? Не могу понять, какъ можно любить свой народъ и не любить своей родины!..

Перечитали приводимую старичкомъ выдержку изъ Розанова: „Счастливую и великую родину любить не велика вещь. Мы должны ее любить именно, когда она слаба, унижена, наконецъ, глупа, даже порочна. Именно когда наша мать пьяна и вся запуталась въ грѣхѣ—мы должны не отходить отъ нея“. Такую любовь въ Горьковскомъ журналѣ и называютъ любовью раба Фирса къ барину, и такую именно любовь открыли въ Плехановѣ, Бурцевѣ и прочихъ „интеллигентахъ“.

— А вѣдь старичокъ-то подтасовкой занимается, господа! Развѣ вся наша исторія общественной мысли и общественнаго движенія не свидѣтельствуетъ о томъ, что русская интеллигенція, вотъ именно такая, какъ Плехановъ, Бурцевъ и имъ подобные, начиная съ декабристовъ и кончая послѣднимъ днемъ борется съ разными болячками своей родины, что именно любовь къ родинѣ и къ своему народу освѣщала всю нашу исторію жаждой видѣть свою мать обновленной, просвѣщенной, свободной? Развѣ мало выходило на арену этой борьбы людей изъ интеллигенціи, крестьянъ и рабочихъ, вообще изъ нѣдръ народныхъ, чтобы нужно было доказывать ложь и клевету на русскій народъ, возводимую авторомъ такимъ уподобленіемъ и утвержденіемъ, что любовь къ болячкамъ своимъ и есть наше „нутряное“?

— Кто же такой самъ Горькій, какъ не тотъ же интеллигентъ, выскочившій, какъ Венера изъ морской пѣны, изъ нѣдръ русскаго народа?

— Да, здѣсь, господа, уже другой Крыловской басней пахнетъ!..

— Да, хорошую Горькій аттестацію выдалъ въ своемъ, журналѣ русской душѣ, русскому народу и его интеллигенціи!..

— Эхъ, господа! Сами себя вы мало уважаете, какъ же вы хотите, чтобы насъ другіе-то уважали?! Кричите о человѣкѣ и о личности человѣческой, а какъ разногласіе,—плевать начинаете и на противника, да, и на самихъ себя!..—вырвалось у меня.

— Это ужъ не разумное уваженіе къ западу, а самое заправское лакейство передъ нимъ. Пословица у насъ, русскихъ, есть: заставь дурака Богу молиться, такъ онъ и лобъ расшибетъ!

Долго интеллигенты спорили. Всѣ обижались и на Горькаго, и другъ друга...

— Человѣка любить надо! А не свой народъ... Для соціалиста—это „кумовство“!..

— Если я не люблю своего народа, почему я могу полюбить человѣка? Мы-то, русскіе, кто? Не люди мы, что ли?

— Дальняго слѣдуетъ любить больше, чѣмъ ближняго!

— Ну, это ужъ вы говорите кому-нибудь другому, а не намъ, рабочимъ! Намъ приходится любить именно ближняго, своего рабочаго, живого человѣка, а не того, который еще не родился!.. Наша сила—въ единеніи живыхъ, а не въ союзѣ съ неродившимися.

Потомъ прочитали статью г. Базарова и еще больше перестали понимать другъ друга: оказывается, что признанное программою соціалистовъ всѣхъ странъ „національное самоопредѣленіе“—чепуха, вещь реакціонная, мѣшающая соціализму!

— Что же это, господа, такое? Теперь ужъ окончательная неразбериха у васъ... и въ душѣ и въ мозгу! Не лучше, чѣмъ у меня, мало образованнаго человѣка... Запутались, заплутались окончательно...

— Ну, а какъ же быть съ Польшей, Бельгіей, Сербіей, Финляндіей, съ малорусскимъ и еврейскимъ вопросами? Единая культура! Можетъ быть, авторъ говоритъ о наукѣ и техникѣ?

— Нѣтъ, о культурѣ народовъ. Видимо, о духовной культурѣ, т. е. языкѣ, нравахъ, вѣрованіяхъ, литературѣ...

— А какъ же тогда восточная, славянская и западная душа? Вѣдь душа-то въ культурѣ сидитъ? Вѣдь, нѣтъ единой и западной культуры, а есть и нѣмецкая, и англійская, и французская... Быть можетъ, когда-нибудь, въ туманѣ грядущихъ вѣковъ, и образуется единая культура, но тогда и „двунадесяти языковъ“ не будетъ, а теперь они есть и подъ гребенку ихъ всѣхъ никакъ не острижешь! Мечтать о земномъ раѣ разрѣшается всякой душѣ, но исторія категорически

заявила уже, что путь въ этотъ рай идетъ чрезъ національное самоопредѣленіе... Намъ, россіянамъ, во всякомъ случаѣ, говорить объ упраздненіи „національнаго самоопредѣленія“ не приходится.

— У людей будетъ какая-нибудь общая вѣра въ какого-нибудь общаго бога, вѣроятно, земного происхожденія, а не небеснаго, общій языкъ, общая литература и т. д.

— Господа! Вѣдь, все это—внѣ времени и пространства... Вонъ „Эсперанто“ есть, да не хотятъ народы на этомъ языкѣ разговаривать!.. А сейчасъ-то что дѣлать и какъ быть?

— Болячку надо сковырнуть!

— Къ этому необходимо готовиться, опытныхъ докторовъ созвать и т. д... Однако, вѣдь нѣмцы-то не будутъ смотрѣть, сложа руки, на то, какъ мы свою болячку колупаемъ. а потому на войну наплевать ни на одну минуту нельзя... Если бы вы сказали мнѣ такъ: будемъ помогать побѣдѣ, но ни одну минуту не забывать о своей болячкѣ, мѣшающей намъ и въ этомъ дѣлѣ, и, при первомъ удобномъ моментѣ, приступимъ къ операціи, ибо безъ нея конецъ придетъ! А вы мнѣ толкуете, что любовь къ родинѣ—признакъ рабской души русскаго человѣка, что и на войну и на судьбу родины можно наплевать, что и любить-то намъ родину не за что... А коли такъ, такъ не о чемъ и толковать: не только на войну, но и на „болячку“ можно плюнуть! Но, господа, вѣдь, соціализмъ существуетъ для народовъ, а не народы для соціализма!..

— Господа! Вы не такъ понимаете!

— Да какъ же по другому можно понять то, чте мы прочитали?

— Мы не вполнѣ согласны съ тѣмъ, что читали...

— Ну, Богъ съ вами! Прощайте! Самъ какъ-нибудь разберусь, а съ вами только окончательно заплутаешься...

— Возьмите „Лѣтопись“-то!

— Нѣтъ, благодарю!.. Это выходитъ уже не „Лѣтопись“, „Самоубійство“!

Иванъ Сознательный“.

Post-scriptum.

Письмо Ивана Сознательнаго, окончательно застрявшаго въ той „неразберихѣ“, которую преподноситъ читателямъ „Лѣтопись“, въ особенности же статья М. Горькаго о „Двухъ душахъ“, способная повергнуть въ зловредный пессимизмъ всякаго русскаго человѣка, побуждаетъ меня, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, сказать нѣсколько словъ ободряющаго характера...

Всѣмъ извѣстно, что славянская натура—широкая натура. Хорошо это отразилось въ извѣстной пѣсенкѣ Алексѣя Толстого:

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ сгоряча,
Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча!

Вотъ именно эту характерную особенность славянина и не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ виду при чтеніи статьи М. Горькаго о „Двухъ душахъ“. „Коль рубнуть, такъ ужъ сплеча“! Съ М. Горькимъ это случалось и раньше: рубнулъ сплеча и ругнулъ сгоряча онъ нашу литературу въ лицѣ ея лучшихъ классиковъ въ 1905 г. въ газетѣ „Новая Жизнь“, отложивъ перо художника и взявъ въ руки тяжелый мечъ литературнаго критика, М. Горькій „рубнулъ“ этимъ мечемъ и оказалось, что наши лучшіе писатели всѣ, „не исключая даже Герцена“,—мѣщане! Объѣхалъ всю Европу, побывалъ въ Америкѣ и опять ругнулъ и рубнулъ сплеча: „плюнулъ“ въ лицо одной изъ культурнѣйшихъ и свободолюбивѣйшихъ странъ Запада. И вотъ теперь онъ снова свершилъ сей подвигъ славянской натуры. На этотъ разъ, отложивъ перо художника, М. Горькій захотѣлъ явить намъ себя мужемъ науки, прочиталъ намъ лекцію по философіи всемірной исторіи на тему „объ историческихъ душахъ народовъ земного шара“...

Въ семъ философскомъ трудѣ для насъ, соотечественниковъ новаго ученаго, какъ и для русскаго народа вообще, естественно интересоваться всего болѣе взглядомъ Горькаго-философа на русскую душу и русскій народъ. Рубнулъ сплеча—и вотъ новое открытіе въ сжатомъ видѣ:

Въ русскомъ народѣ укрѣпились начала Востока, обезличивающія душу. Эти начала вызвали развитіе жестокости, изувѣрства, мистико-анархическихъ сектъ скопчества, хлыстовства, бѣгунства, странничества и вообще стремленіе къ уходу изъ жизни, а также развитіе пьянства до чудовищныхъ размѣровъ... Обломовщина типична для всѣхъ классовъ нашего народа. Безчисленная масса „лишнихъ людей“, всевозможныхъ странниковъ, бродягъ, Онѣгиныхъ во фракахъ, Онѣгиныхъ въ лаптяхъ и зипунахъ, людей, которыми владѣетъ безпокойство, охота къ перемѣнѣ мѣстъ—„это одно изъ характернѣйшихъ явленій русскаго быта—тоже отъ Востока и является ничѣмъ инымъ, какъ бѣгствомъ отъ жизни, отъ дѣла и людей“.

Прочитавъ сей научный трудъ, вѣроятно, очень многіе интеллигентные читатели, не говоря уже о мужахъ науки, спеціалистахъ, почувствовали нѣкую неловкость.

Неловкость—неловкостью. Однако въ данномъ выступленіи имѣется кое-что и болѣе значительное, чѣмъ „скандалъ въ литературномъ семействѣ“. Тутъ выдается аттестація всему русскому народу, весьма похожая на тотъ плевокъ, которымъ удостоилъ М. Горькій „лицо одной прекрасной страны“. Молча обтираться не приходится.

Первое открытіе: „Поборовшая славянскую душу восточная душа русскаго человѣка вызвала въ немъ развитіе жестокости“.

Не отвергая отдѣльныхъ фактовъ жестокости въ жизни русскаго народа, мы спросимъ: можетъ ли М. Горькій утверждать, что жестокость есть отличительная черта русскаго народа? Психическая черта народности? Чтобы бросить въ лицо своего народа столь тяжкое обвиненіе, необходимо имѣть въ рукахъ хотя бы сравнительныя цифровыя данныя о количествѣ жестокихъ преступленій въ другихъ странахъ, стоящихъ на той же степени культурнаго развитія. Надо доказать, что на путяхъ жизни другихъ западныхъ племенъ и народовъ такой жестокости не было. Мягкость и добродушіе славянской натуры, жалливость простого народа ко всякаго рода несчастнымъ, даже врагамъ своимъ, стояла въ аттестаціи русскаго народа довольно-таки твердо какъ въ художественной, такъ и въ научной литературѣ. Но вотъ взялся за изслѣдованіе славянской души М. Горькій и нашелъ совсѣмъ другое: нашелъ восточную жестокость, какъ психическую особенность славянскаго племени!

Несомнѣнно,—низкая степень культурности и „Власть тьмы“, какъ слѣдствіе, съ одной стороны, исторической отсталости, а съ другой—очень продолжительнаго искусственнаго невѣжества, помогли сохраниться въ народномъ быту пережиткамъ старины, но развѣ даже и при названныхъ, исключительно неблагопріятныхъ, условіяхъ жизни, народъ не далъ намъ яркихъ образцовъ своей мягкой любвеобильной души, своего добродушнаго юмора, своей исключительной незлобливости? Что касается соціальной жестокости, проявляемой нашимъ народомъ при политическихъ и экономическихъ эксцессахъ, то эта жестокость ничуть не больше соціальной жестокости другихъ народовъ, а значительно слабѣе, чѣмъ у культурнѣйшихъ западныхъ сосѣдей. Примѣръ на-лицо: соціальная жестокость способовъ веденія войны культурнѣйшей Германіи заткнула насъ, какъ говорится, за поясъ! (А инквизиція? А негры? А судъ Линча? А терроръ великой революціи?)

Это лживое и несправедливое обвиненіе нашего народа М. Горькимъ мы должны отвергнуть съ глубочайшимъ негодованіемъ!.. Тотъ же Горькій,—не ученый Горькій, а Горькій-художникъ, если и рисуетъ намъ случаи жестокости у своихъ героевъ, то нигдѣ не объясняетъ ихъ психикой племени, а исключительно

темнотой разума и тяжелыми соціальными условіями народной жизни...

Открытіе М. Горькаго, нашедшаго въ русской душѣ монгольскую и славянскую помѣсь съ преобладаніемъ первой, т. е. монгольской, удивительно тожественно съ научными открытіями современной услуживающей милитаризму германской „соціальной антропологіи“, стремящейся съ помощью всевозможныхъ натяжекъ доказать, что нѣмцы—не нація, а раса, отличная отъ романской и славянской по происхожденію, совершенно чистая отъ примѣси монгольской и африканской крови. Отсюда нѣмецкая „милитаристская соціальная антропологія“ выводитъ не только право Германіи на міровое господство, но и право, въ интересахъ цивилизаціи всего человѣчества,—поглотить, истребить другія низшія вѣтви арійской расы (въ томъ числѣ, конечно, и славянскую). Это „Единство культуры“, освѣщаемое специфической милитаристской наукою современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ, конечно, оправдываетъ всѣ средства и способы войны... и всѣмъ, намъ и нашимъ союзникамъ, остается не противиться, а только радоваться торжественному шествію германскаго милитаризма...

Это ли не жестокость? Однако, народная душа тутъ не при чемъ, ибо не народъ—„хозяинъ“ современной жизни. Душа народа раскрывается въ письменныхъ и устныхъ памятникахъ народнаго творчества, въ пословицахъ, въ пѣсняхъ, въ сказкахъ, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ, въ его литературѣ и искусствѣ. Что же, имѣетъ право, или хотя бы основаніе М. Горькій говорить, по этимъ отраженіямъ души, о славянской жестокости? На страницахъ нашей древней исторіи мы найдемъ жестокости ничуть не меньше, чѣмъ въ древней исторіи другихъ европейскихъ народовъ и, конечно, не послѣдователямъ матеріалистическаго пониманія исторіи, какимъ является М. Горькій, объяснять жестокость въ быту народовъ специфическимъ вліяніемъ Востока. Почему, наконецъ, жестокость типична для Востока? Для какого именно Востока? Востокъ родилъ буддизмъ, одну изъ самыхъ смиреннѣйшихъ и гуманнѣйшихъ религій, какъ родилъ онъ и гнѣвнаго „Бога мести“, повелѣвавшаго „избранному народу“ истреблять цѣлыя племена, не щадя женъ и дѣтей. Съ Востока же пришло и христіанство съ его заповѣдью любви и милосердія...

Склонность къ плевкамъ и расправамъ, проявленная М. Горькимъ по отношенію къ Франціи, къ русской литературѣ и интеллигенціи, теперь такъ же ярко сказалась въ этомъ странномъ изслѣдованіи русской души... Вошелъ на ученую каѳедру и плюнулъ...

— Не плюй въ колодецъ: пригодится воды напиться!—съ полнымъ правомъ можетъ отвѣтить русскій многострадальный народъ своему „ученому сыну“ и спросить его:

— Откуда же ты пилъ живую воду своего творчества, какъ не изъ этого именно колодца?..

Второе обвиненіе: „изувѣрство и мистико-анархическое сектантство и странничество, затѣмъ чудовищное пьянство, какъ стремленіе уйти отъ людей и жизни“.

Что первоначальнымъ мѣсторожденіемъ христіанскаго сектантства былъ Востокъ,—объ этомъ спорить не приходится. Первоначальное сектантство,—какъ и христіанство, само бывшее нѣкогда на положеніи секты въ іудаизмѣ,—началось на Востокѣ. Но обосновалось оно въ Европѣ какъ разъ не въ Россіи, а на воспѣваемомъ западѣ.

До церковной реформы патріарха Никона сектъ у насъ почти не было (Половина XVII ст.), между тѣмъ какъ на Западѣ еще въ XV в. начались религіозныя броженія и сектантство, далекіе предвѣстники Реформаціи, и люди науки давно уже установили, что Западъ-то и оплодотворялъ въ большой степени нашу русскую сектантскую мысль. Подъ вліяніемъ протестантизма, напримѣръ, у насъ возникла и получила дальнѣйшее развитіе „секта евангелистовъ“, изъ которой затѣмъ родилась секта „людей божіихъ“, или христовщина, именуемая въ просторѣчіи хлыстовщиной. Что въ Россіи всяческое сектантство имѣло особо благопріятную почву для своего развитія—спорить тоже нельзя, но что причины этой благопріятности лежали въ восточныхъ склонностяхъ русской души, а не въ области специфически русскихъ условій государственной жизни и государственной религіи—объ этомъ, насколько мнѣ извѣстно, въ русской наукѣ двухъ мнѣній не имѣется. Религіозное изувѣрство вовсе не спеціальный грѣхъ русскаго народа: инквизиція съ ея колдунами и вѣдьмами, съ ея кострами и пытками, имѣетъ родиною именно Западъ. Относить „богоискательство“ русскаго народа, поскольку оно выражается въ нашемъ сектантствѣ мистическомъ (какъ и вообще въ сектантствѣ) къ проявленію желанія найти „хозяина“, на котораго можно было бы свалить всю тяготу жизни,—какъ это дѣлаетъ М. Горькій,—просто безграмотно въ научномъ отношеніи. Это значитъ рубить съ плеча всѣ „Гордіевы узлы“ жизни русскаго народа. Достаточно напомнить мистическую секту духоборовъ и молоканъ, чтобы видѣть, что М. Горькій въ объясненіяхъ русскаго богоискательства напоминаетъ „Мадамъ Санъ-Женъ“. Спеціальныя идеи на религіозной почвѣ,—существенный признакъ большинства нашихъ мистическихъ сектъ, какъ всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, при своемъ дальнѣйшемъ ростѣ приводили и

приводятъ нашихъ богоискателей къ рѣзкому столкновенію съ дѣйствительностью современной жизни и ея „хозяевами“, за что этихъ „лишнихъ людей“ и не гладятъ по головкѣ, какъ людей вредныхъ для разныхъ нашихъ устоевъ. Вонъ духоборамъ пришлось искать „хозяина“ въ Америкѣ! Не вѣрнѣе ли, что они проявляютъ желаніе сами сдѣлаться хозяевами своей жизни?

М. Горькій преподноситъ намъ скопчество. Но научные источники свидѣтельствуютъ о томъ, что и скопчество пришло къ намъ чрезъ Италію, а не явилось путемъ самозарожденія въ народной русской душѣ. У насъ появились скопцы во имя спасенія души, а Западная Европа занималась до XVIII вѣка оскопленіемъ людей для выдѣлки тонкихъ голосовъ для церковнаго пѣнія и возношенія хвалы небесамъ; современная новая западная наука „Евгеника“ во имя любви къ человѣчеству намѣчаетъ тоже „кастрацію“...

Полагаю, что и приводимыхъ данныхъ вполнѣ достаточно, чтобы видѣть прямолинейное верхоглядство ученаго Горькаго, который, страшно боясь „хозяина“, готовъ объяснять имъ всю духовную жизнь нашего народа. „Бѣгунство“, которое М. Горькій приводитъ въ числѣ прочихъ восточныхъ пороковъ русскаго народа, никоимъ образомъ—не бѣгство отъ людей и жизни. Вотъ что положено въ основаніе секты „бѣгуновъ“ ея творцомъ, военнымъ дезертиромъ Евфиміемъ: „Апокалипсическій звѣрь—есть царская власть, икона—его власть гражданская, тѣло—его власть духовная (матеріальныя потребности тѣла заставляютъ покоряться человѣческую душу „антихристовой печати“). Такъ какъ открыто бороться съ этимъ „антихристомъ“ нельзя, то приходится бѣгать отъ него, порвать гражданскую связь, уклоняться отъ всякихъ повинностей, паспортовъ и присяги. Развѣ это бѣгство отъ жизни, а не отъ неправды ея устроенія? Можно по разному относиться къ этимъ блужданіямъ народной мысли и духа, но объяснять эти блужданія темнаго народа желаніемъ найти „хозяина“ или уйти отъ людей и жизни—это значитъ просто не желать понимать и видѣть народной жизни... Обвиненіе русскаго народа въ чудовищномъ пьянствѣ, которое, по мнѣнію ученаго М. Горькаго, пришло будто бы съ Востока, а не отъ Витте и вообще навязанныхъ народу условій жизни,—стоитъ ли останавливаться на этомъ открытіи Горькаго? Въ немъ нѣтъ ни правды, ни справедливости, а опять одно прямолинейное верхоглядство и желаніе „плюнуть“ какъ можно дальше.

Остаются: „лишніе люди“ и „Евгеніи Онѣгины во фракахъ и въ лаптяхъ“,—какъ свойства „Обломовщины“ во всѣхъ классахъ русскаго народа.

Что „лишніе люди“, отраженные родной литературой,—явленіе не типично русское, достаточно напомнить, что совершенно тожественное явленіе отмѣчаетъ и западная литература: припомните романы Шпильгагена!

Сравнивать просвѣщеннаго помѣщика-барина, впавшаго въ хандру отъ всякаго пресыщенія и разгоняющаго свою хандру путешествіями съ разными приключеніями, сравнивать этого „Евгенія Онѣгина“ съ нашими странствующими по святымъ мѣстамъ мужиками и обоихъ называть общимъ именемъ Евгенія Онѣгина, различая ихъ лишь костюмомъ,—это ужъ такое открытіе М. Горькаго, которое по-истинѣ „достойно кисти Айвазовскаго“! У насъ были „калики перехожіе“, а на западѣ пилигриммы. Путешествія въ Святую землю восходятъ ко временамъ средневѣковья, и мѣсторожденіе этихъ странствованій именно на Западѣ. Что такое явленіе получило у насъ распространеніе и сохранилось до сихъ поръ—опять имѣется тому и разумное объясненіе и оправданіе. Я думаю, что искать его надо въ религіозномъ направленіи мысли народной. Да и самъ М. Горькій въ своемъ „странникѣ Лукѣ“ далъ намъ иное, чѣмъ даетъ теперь, истолканіе народному странничеству...

— „Иду въ хохлы: тамъ, слышно, новую вѣру открыли!“

— „Все хочется дѣла-то человѣческія понять!“

Вотъ что говоритъ намъ горьковскій Лука.

А разсказъ Луки про „праведную землю“?..

Таково послѣднее научное выступленіе М. Горькаго. Что касается Востока и Запада въ ихъ противоположеніи, то кромѣ выдержекъ изъ множества прочитанныхъ книгъ авторомъ, какъ и самъ онъ признается, ничего новаго не усматривается. Ну, а вотъ что касается русской души и русскаго народа,—то, дѣйствительно, въ этой области сказано не только много „новаго“, но и крайне неожиданнаго, чтобы не сказать болѣе. А въ концѣ концовъ хочется, съ горестью въ душѣ, повторить слова дѣдушки Крылова:

— „Бѣда, коль пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать—пирожникъ!“

Евгеній Чириковъ.